Язык рейха

Владимир Путин на Петербургском экономическом форуме

Проходивший в июне Петербургский международный экономический форум начался с филологического курьеза. Увидев, как зал стоя приветствует его, Путин сказал в микрофон: «Вольно!», на что последовал перевод для англоязычной аудитории: Welcome! — «Добро пожаловать!» Правда, в официальном синхронном переводе на трансляции прозвучало: At ease! — верный дословный перевод. Но слово не воробей…

Конечно, не совсем удачная шутка, в которой проступило офицерское прошлое президента, и можно понять синхрониста, решившего не доносить многообразный смысл этой команды для иностранной аудитории. Но не о трудностях синхронного перевода речь, а о том, как менталитет нации, политическая ситуация в обществе отражается в культуре языка, его выражениях и красках, как многослойно слово, как глубоки его смыслы. По-настоящему я ощутил это, оказавшись в Германии, в сфере чужого и с трудом усваиваемого языка.

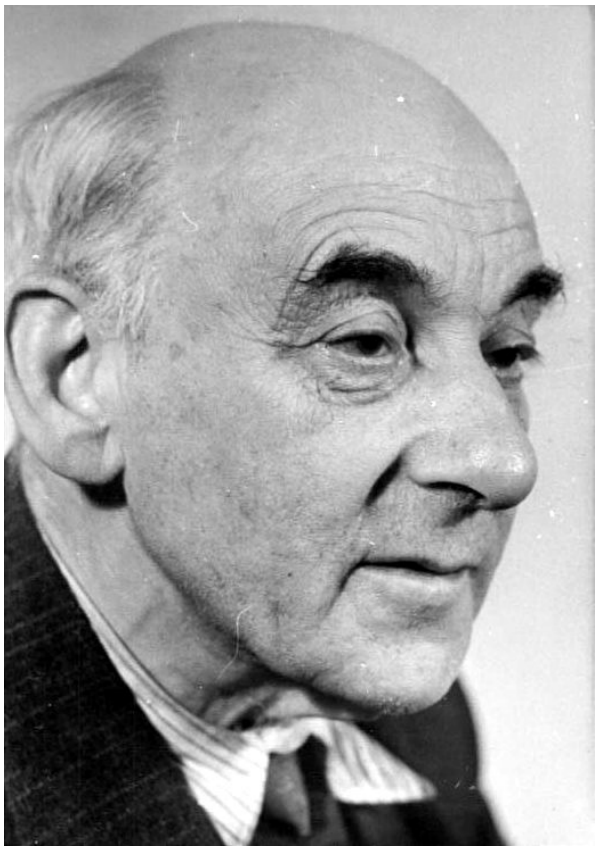
Я вздрагивал при слове «гешефтсфюрер». Презрительный для моего российского уха смысл первой половины этого существительного накладывался на трагический — второй части. Современное обозначение безобидной профессии (что-то вроде «коммерческий директор») заслонялось ощущениями, продиктованными иной исторической ментальностью. Советский военный следователь отправил в 1945-м в концлагерь обыкновенного водителя трамвая, должность которого называлась «баннфюрер». Переводчик с русского на немецкий моей книги о жизни и гибели Варшавского гетто спросил меня, в каком смысле я употребляю термин «мировое еврейство». Я сказал, что в самом прямом: евреи в мире представляют собой некую национальную общность. Но оказалось, что это был любимый термин Геббельса, носивший негативный смысл всемирного еврейского заговора, и подобный смысл так и остался в немецком языке.

На моей книжной полке стоит книга знаменитого немецкого филолога Виктора Клемперера. В конце прошлого века он был очень популярен в Германии. Дневники, которые вел он, еврей, чудом уцелевший в годы нацизма (Клемперера спасли сначала брак с немкой, а затем бегство из разбомбленного Дрездена перед самым концом войны), оставались бестселлером десятилетия спустя после смерти автора. Его книги изданы, на их основе был снят документальный фильм, им присуждали литературные премии. Но книга «Язык Третьего рейха» с подзаголовком «Записная книжка филолога» стоит в этом обширном литературном наследии особняком — многозначностью и многомерностью содержания.

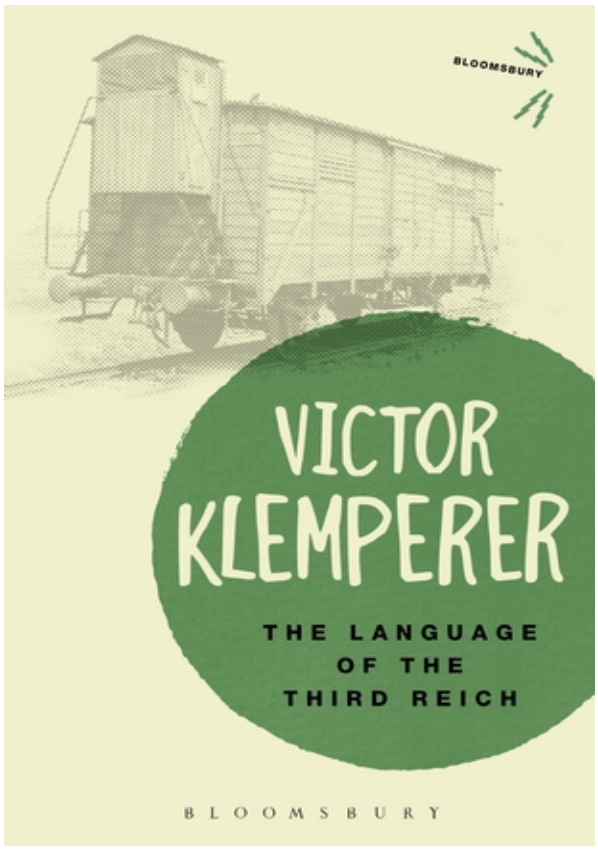
Перед нами биографии немецких слов, их послужной список, открывающий психологию германского национал-социализма и дающий представление о ее отличии и общности с советским интернационал-социализмом. Филологическое творчество нацизма заключалось не только в заимствовании из других языков, но и в изменении значения слов, приписывании им особого смысла, использовании терминов, которые раньше принадлежали отдельным группам населения, пропитывании целых фраз идеологическим ядом.

Вот два примера, которые особенно понятны человеку, выросшему в условиях советского тоталитаризма. Слово «народ». Им сдабриваются все речи нацистских лидеров, все статьи, как еда солью. Всенародный праздник, всенародное единство, выходец из народа, близкий к народу, чуждый

народу… Напомню, что и в советском идеологическом обиходе сталинского периода был распространен термин «враг народа». Им обозначались все узники ГУЛАГа, попавшие туда по политической статье. Стало быть, и я, сын репрессированного отца, считался «сыном врага народа».

Виктор Клемперер

«Язык Третьего рейха»

Или словосочетание «битва за урожай» — как часто пестрели им советские газеты! Не менее часто они употреблялись в нацистской печати. Клемперер с его филологической эрудицией отмечает, что в данном случае копируется фашистское выражение battaglia del grano. Выходит, что в этих словах три тоталитарные системы — итальянская, германская и советская — протягивали друг другу руки, демонстрируя общность идеологического мышления.

Концлагерь — это слово Клемперер впервые услышал мальчиком, в начале века. Во время англо-бурской войны много говорили о «компаундах» — концентрационных лагерях, в которых англичане держали пленных буров. Потом это понятие совершенно исчезло из немецкоязычного обихода и вынырнуло в эпоху нацизма. Интересно, что в России подобного рода учреждения называли исправительно-трудовыми лагерями. Здесь большая доза лицемерия: не просто концентрируем врагов режима и уголовных

преступников, а перевоспитываем их, исправляем трудом.

Взялся бы кто-нибудь за анализ того, как политические реалии современной России отражаются в пространстве русского языка, этого индикатора общественной жизни

Слово «исторический». Его применяют где ни попадя, придавая эмоциональную приподнятость самым разным проявлениям жизни. Победа немецкого гоночного автомобиля — историческая, так же как и ввод новой автострады. А уж всякая речь фюрера, всякая встреча с дуче, конечно же, исторические. Суперлативные свойства (суперлатив в грамматике — превосходная степень) приписываются самым разным понятиям, чтобы самым простым способом воздействовать на воображение обывателя. Прежде всего используются цифры. Скажем, в сообщениях о расцвете германской прессы говорится, что если сложить в стопку все газеты ежедневного тиража, то она вознесется на 20 километров в стратосферу, а во время визита Муссолини в Берлин сообщалось, что на полотнища и транспаранты для украшения улиц ушло 40 тысяч метров ткани.

Отсюда же пристрастие к словам «тотальный», «стопроцентный», «уникальный». А понятие «тысячелетний рейх», а фраза «мир слушает фюрера»… Все это из того же ряда, что и «величие ленинских идей», «всенародная победа», «светлое будущее».

Фюрер принимает парад

Во время многолетнего мучительного пребывания в «еврейском доме» в Дрездене, наполненном ожиданием высылки в Освенцим или Терезиенштадт, в скитаниях последних месяцев по разоренной войной Германии Клемперер пропустил через свое сознание филолога, гуманиста, европейца весь окружавший его кошмар, фиксируя изменения в массовом менталитете, неизбежно происходившие под влиянием нацизма. Язык Третьего рейха проник повсюду, на нем говорили не только с трибуны, в газетной статье, он вошел в обиход. Скрываясь в доме своего друга-аптекаря, Клемперер читал безобиднейшую брошюру о целебных травах. Казалось бы, что может быть дальше от политики, чем это издание союза аптекарей? Но оцените только одну такую фразу: «Применение целебных трав в лечебных целях подтверждает то, что было известно нашим предкам, успешно использовавшим их целебные свойства в седой древности. Мысль о связи крови и почвы подкрепляет доверие, которое мы питаем к травам нашей родины».

Эта политизированность всех проявлений жизни знакома и россиянам. Только вместо слова «раса» использовался термин «класс». Вообще рассуждения о

крови, почве, провидении — типично немецкие. Немецкое и переосмысление некоторых слов. Так, слово «фанатизм», ранее имевшее негативное значение, приобрело позитивный смысл, особенно по мере того, как приближался конец войны: «фанатичная преданность фюреру».

В языке Третьего рейха произошло причудливое смешение проявлений общетоталитарного мышления с его национальными реалиями. Трансформацию приобрели собственные имена — назад к германским национальным истокам, а, стало быть, газеты полны были объявлениями о том, что те или иные лица берут себе имена Дитер, Детлев, Уве, Магрит, Ингрид, Ута. Палач Варшавского гетто, эсэсовский генерал Юрген Штроп, в молодости был Йозефом. Юрген считалось как-то патриотичнее. Особый смысл приобрело местоимение «наш». «Наш доктор» — это о Геббельсе, «наш философ» — о Розенберге. Важную роль приобрела энергия фразы, приспособленность ее к хоровой декламации: «Германия, пробудись! Жид, издохни! Фюрер, приказывай!»

Чтение книги «Язык Третьего рейха» вызывает ощущение бездны, в которую

падают национальная культура, здравый смысл народа, нравственные традиции. Это судьба нации, увиденная через призму языка. Взялся бы кто-нибудь показать тоже через «магический кристалл» языка, как народ поднимался из этой бездны, что представляет собой нынешний немецкий язык и как он отражает нынешнюю реальность. Взялся бы кто-нибудь за анализ того, как политические реалии современной России отражаются в пространстве русского языка, этого индикатора общественной жизни. Вот была бы книга!

Поставил было точку в этом тексте, как тут же очередная шутовская новость. Депутаты Госдумы от ЛДПР вносят законопроект о замене нынешнего государственного гимна на «Боже, царя храни!», правда, не отвечая на вопрос, какого царя они предлагают хранить Богу. Но дело не в этих политических играх. В свете размышлений о языковом наследии я обновил в памяти текст последнего михалковского творения и не мог не отметить, как прет из текста со всем этим «священная наша держава», «хранимая Богом родная земля» имперская традиция, плавно перетекающая из советской. Тут тебе никакого «Боже, царя храни» не надо.

Михаил Румер-Зараев, Радио Свобода